

Григорий Петрович Максимов
Наглядные итоги всеобщей стачки
1934

Дело труда, Nr. 81 / 1934

ru.anarchistlibraries.net

Наглядные итоги всеобщей стачки

Григорий Петрович Максимов

1934

В прошлом номере „Дела Труда мы указали на знаменательное явление, которое происходит в недрах американского пролетариата — на пробуждение классового самосознания и на проявление воли к действию. Мы выразили тогда уверенность, что за этим сознанием неизбежно должно придти и действие. Мы не обманулись. Нам не пришлось долго ждать действие пришло и пришло оно в форме неожиданной и внушительной всеобщей стачки в Сан-Франциско: явление, можно сказать, почти совершенно новое для Америки и в тоже время весьма знаменательное. Не менее знаменательными являются и слова В. Брауна, лидера союза грузовых шоферов Миннеаполиса, который, обращаясь к рабочим, спросил их: „Позволим ли мы этим людям (полиции) расстреливать нас, как собак, или мы начнём оказывать сопротивление?“ Всеобщая стачка и слова Брауна свидетельствуют о чрезвычайно важном и глубоком повороте американского пролетариата, эксплуатируемого буржуазией и своими юнионными лидерами,

сделавшими союзы, с помощью властимущих, крепостью капитализма и источником личной наживы. Но рабочие союзы, как мы утверждали в прошлом номере, даже самые реформистские, самые жёлтые при благоприятных условиях могут осознать свою рабочую природу и истинную рабочую цель и из крепости капитализма стать его могилой. И вполне возможно, что сан-франциская всеобщая стачка явится началом такого превращения. Вполне возможно, что она станет исходным пунктом развития американского рабочего движения на новых путях, — на новых только, конечно, для Америки, — ведущих к революционной классовой борьбе, к признанию, единственно правильных, методов прямого действия и к постановке основной задачи пролетариата — уничтожение капитализма и государства. Таким образом американский пролетариат начинает подходить к тому, к чему давно уже пришел европейский пролетариат. И это вполне естественно и логично, ибо одинаковые причины порождают и одинаковые следствия. Выявление этих следствий задерживалось в Америке искусственно, но, как всегда и во всем, логика исторического развития несравнимо сильнее личных и классовых желаний. Процесс социального развития, как показывает долгий исторический опыт, идёт по линии изживания современной государственно-капиталистической системы, этот процесс можно замедлить, но приостановить его нельзя. Не приостановила его, как показывают развивающиеся события, и капиталистическая Америка это не по силам не только ей, но и всему Капиталистическому Интернационалу. Теперь, когда рабочие, против воли капиталистического телохранителя-Государства, и против воли Грина и всех остальных лакеев капитализма, вкусили сладость плода всеобщей локальной стачки, можно ожидать, что, рано или поздно, но неизбежно, придёт и всеобщая национальная стачка, а за ней, а может быть

и раньше, к американскому пролетариату придёт неизвестное ему до сих пор, благодаря стараниям Гринов и Джансонов, чувство международной солидарности.

Можете себе представить как тогда перетрусит госпожа буржуазия, которая теперь от одной только локальном всеобщем стачкам пришла в неопишувемым ужас и впала в страшную истерику! А момент этот приближается с каждым днём: беспощадно проливаемая кровь бастующих рабочих цементирует рабочую солидарность и очищает затуманенный взор пролетариата в миллион раз лучше и скорее, чем устная и печатная пропаганда всех радикалов. Прекратить же расстрелы буржуазия не может, ибо жестокость — её природа, террор — метод управления, следовательно, неизбежность и неотвратимость этого момента очевидна. Буржуазия понимает все это и понимает гораздо лучше, чем огромное большинство рабочих, поэтому-то она и борется с распространением идём всеобщей стачки с энергией человека, защищающего свою жизнь. Она, поэтому, проповедуя мораль, пускает в ход для защиты себя все средства, не заботясь о их моральности. Она не брезгует решительно ничем, она пускает в ход решительно все, что в той или иной мере может защитить и укрепить её господство клевета, ложь, обман, вероломство, подкупы, предательство, разжигание низменных страстей масс, наускивание одной части населения на другую, одной нации на другую, патриотизм, религия, (Христос для масс, а Макиавелли для себя), погромы, убийства все, все пускается в ход. Все это наглядно обнаружено всеобщей стачкой в Сан-Франциско.

В этом отношении является характерным реагирование буржуазии, в лице её крупных представителей и прессы, которой нет, к сожалению, у пролетариата, на всеобщую стачку, которая только что закончилась в Сан-Франциско. Прежде всего буржуазия начала искать образцов подав-

ления таких стачек. Английская всеобщая стачка 1926 г. оказалась таким образцом. Тогда правительство «кооперировало с добровольческими группами населения», т.е. организовывало штрайкбрехеров, стачколомов; газеты подчеркнули это обстоятельство и рекомендовали своему правительству поступить соответствующим образом, что незамедлительно сделало Сан-Францисское самоуправление: оно организовало погромные группы. Брисбейны отметили другую сторону борьбы английского правительства со всеобщей стачкой: они подчеркнули, что стачка была разбита не только публикой, но и законом, по которому „не только всеобщая стачка была объявлена «незаконной», но Палата постановила, что всякий, принимающий участие в подобной стачке, и рабочие лидеры, ответственные за призывы к ней, должны быть наказуемы конфискацией их собственности «до последнего фартинга», а так же конфискацией союзных фондов. Это напоминание одновременно есть рекомендация и требование, чтобы американское правительство поступило таким же образом, конечно, во имя демократии и прав большинства народа, которым, несомненно, ныне является никто иные как Брисбейны и их хозяева Горсты.

Главноуправляющий генерал Джансон считает, исходя из интересов рабочих, что «стачки необходимое зло... но, как войны, они ничего никому не дают, кроме кровопролития и синяков». Он абсолютно ничего не имеет против разрозненных стачек, в которых рабочие получают синяки, но он самым решительным образом, тоже в интересах рабочих, против солидарных, объединённых стачек, всеобщих стачек, от которых получает синяки буржуазия, ибо для генерала такая стачка означает гражданскую войну, и генерал, конечно, в интересах всей нации, под которой генералы разумеют себя только, а рабочие думают, что и их тоже, кричал: «Стачка должна быть остановлена!»

существования, как класса. Рабочие не должны забывать, что имеется только две нации — пролетариат и буржуазия — между которыми не может быть мира, а только война неотвратимо победоносная для пролетариата. Чем лучше пролетариат будет организован, чем яснее будет сознавать он свои цели и свою историческую миссию тем скорее придёт победа и воцарится мир, свобода и благоденствие на земле!

уничтожать обстановку — (собственность, знаете-ли, священна и неприкосновенна только когда она в руках буржуазии) и разламывать черепа рабочим. Страж порядка, — полиция содержимый за счёт трудового населения для угнетения этого же населения, всегда, конечно, как в России во время еврейских погромов, опаздывала прибыть на защиту демократических прав избиваемых! Рабочие, арестованные сотнями, только потому что они радикалы по предположению чёрной сотни и полиции (вполне конституционная мера защиты свободы совести, политических убеждений и прочих гражданских свобод!) — загонялись в полицейские кутузки, как военно- пленные, и судья — живое олицетворение беспристрастия — „беспристрастно“ поносил арестованных и обещал их „беспристрастно судить по большевистскому образцу, всех оптом, не занимаясь выяснением степени индивидуальной „виновности“ каждого в отдельности! А господин Брисбейн, оберлакей Горста, издеваясь над рабочими, так успокаивал своих хозяев: „Мощные танки армии Соединённых Штатов достаточно сильны, чтобы вспахать кирпичные стены и почти нечувствительны к бросаемым палкам, камням и бутылкам, произвели впечатление на публику, забастовщиков и др.“ Этот же Брисбейн, заполняющий бесчисленные газеты Горста, разыгрывая роль русских погромщиков: Пуришкевича и Маркова 2-го, оправдывает погромы и издевается над жертвами: „Те, которых громили, если они действительно были коммунисты и „красные“, стали жертвами „прямого действия“, которое, как известно, они сами рекомендовали. Они, поэтому, не в состоянии протестовать против методов, в которых нет необходимости там, где существуют суды“. Вот всё это рабочие должны знать, соответственным образом понимать и расценивать. Рабочие должны заранее представить себе, на что будет способна буржуазия, когда дело действительно коснётся вопроса её

Всеобщая стачка, внушал рабочим генерал, представляя диктатуру ничтожнейшего меньшинства, есть „диктаторское тираническое правление меньшинства...“ «Это правление меньшинства. Это диктатура. Это конец демократии. Это тирания и она не может быть терпима свободным народом даже в течении одного момента». Это классическое выражение буржуазной лжи и обмана неподражаемо и настолько сильно, что мистера Грина прошибла даже слеза умиления и он публично заявил, что рабочие Сан-Франциско допустили страшную ошибку. Генерал выражал уверенность, что «консервативные лидеры рабочих выиграют борьбу против всеобщей стачки». К сожалению, он в этом не обманулся, оказывается, и в рабочем движении имеется достаточно людей, которые легко соблазняются правительственной ценой за голову Дилинжера охотно разыгрывают роль „девицы в краном“ в течении многих-многих лет. К такому разряду людей, несомненно, принадлежит господин председатель А.Ф.Т. Грин, перепугавшийся всеобщей стачки больше, чем сама буржуазия, эксплуататор рабочей нищеты и лакей капитализма по призванию — для него, видите ли, договоры с хозяевами рабочие должны с вить выше симпатии к своим братьям и стачки по симпатии считать противны духу и букве А.Ф.Т.

Городской голова Питтсбурга, Мак-Нейр, Сан-Францискую стачку обозвал „анархией“ и потребовал, чтобы все городские служащие Питтсбурга, состоящие членами юнионов, немедленно оставили их, потому что это ведёт к правлению толпы, и чтобы они были лояльны к городской администрации, которая отечески о них заботится. Порядок, устанавливаемый толпой, т. е. трудовой массой, есть „анархия“, а порядок, устанавливаемой золотой толпой, к которой принадлежат Мак-Нейры, есть, видите-ли, демократия, лояльность к

которой верх патриотизма. В какую бы буржуазную газету мы не заглянули, мы видим одного виноватого, одного бандита, одного Дилинжера, одного врага общества № 1 — бастующих рабочих, вторая сторона, представляющая народ, т. е. хозяева, есть невинная жертва этого ужасного бандита, против которого государство выступило с армией, полицией, бомбами, газами, пулемётами, артиллерией, танками, прессой, радио, театром, церковью, тюрьмой и деньгами. Этот коллективный бандит, т. е. пролетариат, выступает против всего этого с единственным оружием, насчитывающим за собой века и всегда победоносным, — с братской солидарностью.

Эту то вот рабочую солидарность в борьбе Джансоны и называют „анархией”, „диктатурой меньшинства”, „тиранией” и „гражданской войной”, „явлением неамериканским и непатриотическим”. Поэтому господа буржуа, прежде чем вступить в переговоры с рабочими, всегда требуют сложить это оружие и распустить стачку. Итак, выходит, что борьба рабочих против диктатуры эксплуататоров, борьба за подлинную экономическую и политическую демократию есть конец демократии, диктатура меньшинства — (Рабочие меньшинство, а капиталисты — большинство, демократия!). Простая же борьба рабочих за кусок хлеба с маслом — красная революция, которая приведёт к тому же, к чему привели Россию большевики, А между тем требования этой „красной революции”, совершенной доковыми рабочими, очень и очень скромны: 1) Признание хозяевами Союза; 2) Контроль союзами зал найма; 3) Увеличение заработной платы и 4) Уменьшение рабочей недели. Вот из за чего буржуазия подняла такой крик. Хозяева отказались удовлетворить требования рабочих, пригласили полицию, создали своё наёмное войско (чисто американское явление и, по-видимому, с точки зрения американских законодателей, вполне конституционное и де-

мократическое) — и под их охраной стали нанимать стачколомов. Протестующих забастовщиков 5-го июля расстреляли и для большей обеспеченности ввели в город 5,000 национальной гвардии штата Калифорнии. После этого идея всеобщей стачки быстро охватила рабочих и союз за союзом стали выходить на забастовку по симпатии, стачка приняла всеобщий характер. В среде буржуазии начался „великий тряс”. Заработала машина капиталистической лжи — пресса, которая стала обрабатывать общественное мнение в пользу бедных хозяев против ужасных стачечников.

„Стачка вызвана радикальным меньшинством, среди которого имеются некоторые коммунисты, в целях индустриальной революции на Тихоокеанском побережье”. (Почему только на побережье — это секрет перепугавшихся буржуазных ворон, видящих в каждой стачке призрак своего конца).

„Лидер стачечного комитета моряков, Герри Бридж, — австралиец”. „Всеобщая стачка — результат агентов провокаторов”. „Стачечники хотят установить пролетарское правление”. Агенты русского правительства за спиной стачечников. Иностранцы — главный возбуждающий элемент. „Позволят ли сан-франциские рабочие, спрашивала буржуазная пресса, этим тёмным элементам захватить союзы и уничтожить их во имя своих тёмных целей?”

Отсюда истерические крики: „Войска, больше войска! Даёшь военное положение! Выслать всех иностранцев! Привести в полное действие закон о криминальном синдикализме! Уничтожайте радикалов, как крыс! Организуйте добровольческие дружины граждан для погромов на радикалов! И чёрная сотня „истинно американских людей”, как в царской России, под водительством вице-председателя пароходной линии, Чарльза Вилера, начала орудовать: громить помещения рабочих союзов и клубов,